

ТЕАТР И ГОРОД

В ЭТОМ театре увлекаются цифрами и подсчетами. Толстые, аккуратно расчерченные тетради можно увидеть не только на столе бухгалтера, но и у главного режиссера. Имеются у него и диаграммы, столь же аккуратные и внушительные.

Не парадоксально ли это — искусство, его служители и прозаические цифры? Однако Каарел Ирду — руководитель эстонского театра «Ванемуине» совершенно искренне гордится этой «бухгалтерией». Ведь именно в ней, в записях, в прозаических цифрах, отражается главный смысл всей работы коллектива «Ванемуине». За этими цифрами — люди, за ними — реальный и зримый показатель того, что театр нужен, что существование его всячески оправдано. Сдается нам, что когда бывает трудно, а трудно бывает по разным причинам, цифры эти служат и утешением.

Однако не пора ли раскрыть секрет и объяснить магию вычислений и диаграмм? С первого декабря 1958 года «Ванемуине» начал строгий учет своих посетителей. Интересуются не только числом зрителей, а и тем, кто именно из дня в день бывает на спектаклях, заполнения небольшой, в 500 мест, зал. Статистика удивительна — даже более чем удивительна. Хотите знать? Пожалуйста: за декабрь 1958 года в театре побывало 13 тысяч зрителей — из них 3.386 из деревень и сел. В декабре 1964 года число сельских жителей, посетивших «Ванемуине», составляет уже 36 проц., в феврале 1965 года на «Фауста» Ш. Гюно прибыло из деревни 216 человек: почти половина наполовину. Известны не только суммарные цифры — известно, откуда приезжают люди и сколько их из каждого района и местности. С селекционной станции — 26 человек, из колхоза «Вуртсъярве» — 23, из совхоза «Лууля» — тоже 23 человека и так далее...

Могут спросить — к чему все эти скрупулезные данные? Театр посещается, план выполняется — чего же еще? Задать этот вопрос Каарелу Ирду мы не решились — вернее, он у нас и не возникал. Даже самое приблизительное, издала, знакомство с «Ванемуине» заставляет видеть в этом театре нечто особенное, нечто такое, что не

только объясняет, но и делает необходимыми всякие, на первый взгляд даже и не очень понятные вещи. Это особенное заключается в том, что театр «Ванемуине», приписанный к маленькому эстонскому городу Тарту, по существу является театром-лабораторией, единственной во всем Союзе. Здесь занимаются утверждением нового типа театра — театра разностороннего.

Что это значит практически? А вот что: в одну из мартовских недель этого года вы могли увидеть на сцене «Ванемуине» балет «Легенду о любви», послушать оперу Вебера «Волшебный стрелок», посмотреть «Трехгрошовую оперу» Б. Брехта и еще два драматических спектакля и впридачу — веселую оперетту. В солистке балета вы могли узнать актрису драмы, в эпизодическом персонаже комической оперы — героя шекспировского «Кориолана» и выяснить, что Сергей из «Иркутской истории» танцевал Ферхада из «Легенды о любви».

Однако, сколь ни заманчиво писать о таких разносторонних актерах, еще заманчивей знакомиться с таким разносторонним театром — театром, который может дать своим зрителям все я, главное, приучить их воспринимать искусство в многообразии. Это диво, что люди идут на «Иркутскую историю» А. Арбузова или на «Океан» А. Штейна, — к этому мы привыкли. Но то, что жители села с таким же увлечением слушают «Обручение в монастыре» С. Прокофьева, «Орфея и Эвридику» Глюка — это уже заслуга «Ванемуине» и ничья иная.

В городе работу театра ценят — и официально, и неофициально. Неофициально тем, что ходят на спектакли и ездят на них. Гости за сто километров — настоящие обычные гости, что здесь привыкли не только к их посещениям, но и к назывным хитростям. Продано в колхозе, скажем, 20 билетов, а на представление прибывают 22 человека. Театр большой — где-нибудь посадят. Что их отправлять обратно — целеница, — и в зале у стены ставится стул. Правила, конечно, нарушаются, но некоторые правила театр нарушает охотно: ставит те же стулья, не берет плату за стоянку автобусов у своего здания, и т. д. и т. п. Ему это

прощают. Почему? Потому что нужны годы кропотливой работы, чтобы приблизить к искусству сельского труженика. «Ванемуине» воспитывает вкус, учит понимать искусство, помогает самодеятельности. Был такой случай — председатель колхоза «Вуртсъярве» написал комедию. Каарелу Ирду она понравилась, и было решено поставить ее в колхозном театре. Немедленно в «Вуртсъярве» выехал один из актеров «Ванемуине», и «премьера была дана».

ОБО всем этом рассказывает секретарь Тартуского райкома партии Ильмар Вахе. Он приводит еще множество конкретных примеров, свидетельствующих о прочной связи театра и города, театра и села — в конечном итоге — театра и зрителей. Но главное все же не в этих примерах, как они ни красноречивы сами по себе. Ценность их возрастает в бесконечное число раз, когда мы убеждаемся, что театр несет людям настоящее, большое искусство, а не эрзац его, с которым еще нередко приходится сталкиваться, знакомясь с работой периферийных коллективов.

Что же отличает стиль «Ванемуине», если можно говорить о едином стиле, применительно к таким разным вещам, как опера, драма, балет? Однако о стиле говорить не только можно, но и должно, ибо он впрямую выражает внутреннюю сущность коллектива, внутреннее отношение людей к своему делу. Это отношение — серьезность, серьезность и еще раз серьезность.

Каарел Ирду отнюдь не обольщается по поводу спектаклей, идущих в руководимом им театре. Лучше, чем кто-либо другой, он знает цену и не боится говорить о недостатках. В творчестве, как и во всяком деле, страшны не неудачи (хоть они и печальны), а то, что неудачи порой принимают за успех. Вот тогда действительно плохо — в противном же случае человек может и бороться и победить. «Ванемуине» борется — и серьезные свершения налицо. Эти свершения в «Трехгрошовой опере» Б. Брехта, поставленной народной артисткой республики Эпп Кайду, они — в той направленности, в тех поисках смысла жизни, которые явственно читаются в таких спектаклях, как «Твои глаза и мои глаза» Айны Каалена и «Случай с Андресом Лапетеусом» Паули Куусберга. Спектакли эти далеко не совершенны, особенно в драматургическом отношении, но отмечены изумительной и честностью их создателей.

К сожалению, нам не пришлось увидеть шекспировского «Кориолана», поставленного Каарелом Ирдом, но то, что мы читали и слышали об этом спектакле, говорит о глубине и своеобразии режиссерского замысла, о яркости его сценического воплощения.

Итак, нам важно подчеркнуть одно — абсолютную профессиональность театра «Ванемуине». Никаких скидок на периферию, никакого списхотительного отношения, мол, что возьмешь с коллектива, который должен дать в год 536 спектаклей, играя в сезон 250 рабочих дней. Как люди в таких условиях творят настоящее дело — другой вопрос, однако факт остается фактом. «Трехгрошовая опера» в постановке Эпп Кайду не просто хорошо срежиссированный спектакль, но спектакль своей мысли, философский, смелый, значительный. Это буржуазного мира, представленное Брехтом в формах гротескных и странных, на сцене обретает еще и черты привычной и оттого страшной обыденности. Привычна ложь, привычна нищета, привычна круговая порука бесчестных — все так же закономерно и лишено какого бы то ни было ореола детективной таинственности, как снят флер «роковых обольстительниц» с ночных приятельниц Меккиножа. Их ремесло — та же работа: с голоду не умрешь, но и сыт не будешь. Серьезное это зрелище — «Трехгрошовая опера» в театре «Ванемуине», серьезное и беспощадное. Обличительный пафос Брехта, который остро чувствует режиссер и актеры, делает спектакль беспощадным, и эта беспощадность прежде всего в трезвом взгляде исполнителей на то, что происходит на подмостках.

«Трехгрошовая опера» познакомила нас со многими драматическими актерами «Ванемуине» и прежде всего с Эйяри Коппелем. Вернее, с Коппелем мы познакомились чуть раньше — на утреннем прогоне комической оперы Густава Эрнесакса «Мария и Микхель». Вначале там пели герой и героиня и держались так, как еще часто, к сожалению, держатся солисты оперы — во все глаза смотрели не столько на партнеров, сколько на палочку дирижера. Потом на сцену вышли еще два персонажа, и сразу в зале стало весело и интересно. Эти двое тоже пели — и хорошо, — но держались с такой непринужденностью, естественностью, что сразу внесли в комическую оперу столь желанный юмор. Один из них был особенно выразителен — может быть, он смешил потому, что при страстном желании заполучить денежки и пропить их, обманывал председателя колхоза как-то уж очень лениво и мрачно. Поглядев

на него, сразу можно было догадаться, что никакой он не мастер на все руки, а забуддуча и врал.

ЭТО было утром, а вечером Коппель играл капитана Меккиножа — в пьесе Бертольда Брехта. Удивительным было не столько перевоплощение — роли уж слишком разные, — сколько умение постигнуть образ в сокровенной его сути. Коппель и здесь, в Брехте, был нетороплив, явловат, но это была медлительность рассчитанная, показная, лишь до поры до времени скрывающая железную хватку этого человека. Единственно, что в нем было искренним, — это равнодушие, с которым он относился и к судьбе, и к жизни окружающих. Он простил предательство Джесси, потому что сам поступил бы так же; и измена Полли его тоже не очень удивила — такова жизнь: выживает только сильный.

Коппель понял и прочувствовал мысль спектакля — ее поняли и прочувствовали не только исполнители главных ролей — интересный актер Хеленд Пээл, Лиа Лаате, Хильда Соммер, Мильви Койду, но и весь ансамбль, художница Мари-Лийз Кюла. В этом сказалась творческая культура театра и умение его руководителей эту культуру воспитывать и сохранять. Театр работает, выполняет свою прямую задачу, он как будто весь, без остатка, погружен в текущие дела, но вместе с тем он неотступно трудится на главное — на то, чтобы вырабатывать в людях не только привычку, но и уважение, любовь к искусству.

В новом сезоне при «Ванемуине» появится своеобразная студия. С 1962 года театр воспитывал в своих стенах будущих актеров и актрис. Они все учились или работали, но параллельно занимались искусством. Теперь курс занятий окончен, сыгран дипломный спектакль («Сон в летнюю ночь» В. Шекспира), но люди решили не расходиться, и театр поддержал их намерение. Не бросая основной профессии, врачи, учителя, бухгалтеры, рабочие будут трудиться и на другом поприще.

Как расценивать этот шаг «Ванемуине»? Только как подготовку смены? Нет — для Каарела Ирду и его сотрудников — это прежде всего воспитание единомышленников, людей, которые всегда будут преданы искусству и понесут его свет все дальше и дальше...

О «Ванемуине» можно было бы рассказать еще многое. Ограничимся главным — тем, что театр этот целеустремленно и со всей страстью служит делу коммунистического воспитания общества.

Н. ЛОРДКИПАНИДЗЕ,
Т. ГЕРАСИМОВА.

ИЗВЕСТИЯ
Г. МОСКВА

24 АПР 1965